

УДК 81.27
doi 10.17072/2037-6681-2017-1-38-45

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ПРОВИНЦИАЛКИ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ¹

Наталья Васильевна Логунова

к. филол. н., доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин
Соликамский государственный педагогический институт (филиал)
Пермского государственного национального исследовательского университета
618557, г. Соликамск, ул. Северная, 44. logunovaN@yandex.ru
SPIN-код: 9340-4540
ORCID: 0000-0002-5772-6385
ResearcherID: C-3711-2016

Лариса Львовна Мазитова

к. филол. н., доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин
Соликамский государственный педагогический институт (филиал)
Пермского государственного национального исследовательского университета
618557, г. Соликамск, ул. Северная, 44. mazitova-larisa@rambler.ru
SPIN-код: 2119-2981
ORCID: 0000-0002-6775-8233
ResearcherID: C-3710-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. Речевой портрет провинциалки предреволюционной России // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 1. С. 38–45. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-38-45

Please cite this article in English as:

Logunova N. V., Mazitova L. L. Rechevoy portret provintsialki predrevolyutsionnoj Rossii [A Provincial Woman in Pre-Revolutionary Russia: Speech Portrait]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 1, pp. 38–45. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-38-45 (In Russ.)

В статье реконструируется историческая языковая личность жительницы г. Соликамска Александры Васильевны Мальцевой на основе трех ее писем 1909–1911 гг. к родителям. Цель и задачи описания обусловлены лингвоперсонологическим подходом к объекту анализа – носителю не элитарного, а низового типа речевой культуры. Гендерная составляющая исследования – воссоздание облика языковой личности женщины – актуализируется тем обстоятельством, что в региональных рукописных архивах XIX – начала XX в. совокупный объем женской речевой продукции заметно меньше по сравнению с мужской. Предметом анализа являются тематические предпочтения, особенности стиля и манеры изложения, отраженные в тексте речевые компетенции адресанта, а также внешние параметры писем. Это позволяет выявить конституирующие черты данной исторической языковой личности – представительницы провинциального мещанства, носительницы обыденного языкового сознания и того типа традиционной культуры, которая в значительной мере определяла социальный облик Уральского региона. Полученные результаты заполняют лакуну в лингвистических исследованиях по реконструкции речевого портрета женщины предреволюционной России.

Ключевые слова: лингвистическая персонология; историческая языковая личность; эпистолярный текст; речевые компетенции; речевая культура.

В изучении социокультурной ситуации на Урале XIX–XX вв. накоплен значительный опыт, однако, по мнению Н. Н. Алеврас, существуют определенные пробелы в исследованиях по данной проблематике, поскольку советская историография «с ее известным приоритетом пролетарской истории» гораздо меньше внимания уделяла изучению истории культуры других слоев провинциального общества: крестьянства, дворянства, купечества, мещанства [Алеврас 2009: 29]. При этом социальный облик Уральского региона в значительной мере формировался под влиянием традиционной культуры, носителями которой являлось численно преобладающее на Урале крестьянство (80,4 %, по Всероссийской переписи населения 1897 г.) и мещанство, доминирующее в провинциальных городах [там же]. Традиционная культура включает в себя в качестве одного из значимых элементов определенные стереотипы речевого поведения, изучение которых дает материал для воссоздания портретов исторических языковых личностей, обладающих разным социально-культурным опытом.

В рамках молодого научного направления – лингвоперсонологии [Нерознак 1996] – актуальны исследования, направленные на реконструкцию портретов исторических языковых личностей, которые являются носителями не элитарного, а низового типа речевой культуры и репрезентируют массовое языковое сознание [Иванцова 2002, 2010; Караулов 2010; Плесовских 2014]. Нами предприняты попытки подобных описаний на эпистолярном материале XIX–XX вв., отражающем разный уровень речевых компетенций адресантов (преимущественно мужского пола) [Логунова, Мазитова 2014а, 2014б, 2016; Система образования на Урале 2013]. Отметим при этом, что возможности воссоздания облика языковой личности женщины ограничены, поскольку совокупный объем женской речевой продукции заметно меньше по сравнению с мужской. Опыт реконструкции языковых личностей представителей различных сословий показал, что реализация этой процедуры требует выработки определенных подходов и принципов.

Во-первых, источником для такого описания являются тексты естественной письменной речи [Лебедева 2008; Логунова, Мазитова 2010]. Во-вторых, при отборе материалов для анализа необходимо учитывать, что наиболее информативными являются эпистолярные тексты частного характера, среди которых следует обращать внимание на такие, где отражаются те или иные особенности, рельефно высвечивающие черты отдельной языковой личности. В-третьих, реконструкцию речевых портретов исторических языковых личностей целесообразно выстраивать с

учетом: реализации речевых компетенций адресанта; стиля письма, манеры общения с адресатом; круга затрагиваемых тем; внешних параметров писем (предпочтения в оформлении, наличие или отсутствие признаков саморедактирования, особенности почерка). Кроме того, более достоверным и многогранным становится описание исторической языковой личности при наличии затекстовой информации о ней.

В нашем распоряжении оказались рукописные материалы из архива Соликамского краеведческого музея, относящиеся к периоду конца XIX – начала XX в. и представляющие речевую продукцию жительниц уральской провинции. В перспективе это обстоятельство позволит нам создать галерею женских речевых портретов представителей своей исторической эпохи.

Данная статья посвящена реконструкции исторической языковой личности Александры Васильевны Мальцевой, дочери делопроизводителя Соликамской городской управы В. П. Мальцева. Эпистолярный архив В. П. Мальцева, частью которого являются письма Александры, опубликован нами ранее [Логунова, Мазитова 2015]. Из других материалов этого же архива установлено, что Александра, вероятно, старшая дочь в многодетной семье, в которой было еще пять дочерей и два сына. Как известно, в соответствии с патриархальными традициями российской провинции старшая дочь в семье выполняла функции няньки и помощницы матери в хозяйственных делах. По всей видимости, именно поэтому Александре Мальцевой не удалось получить качественного системного образования (о чем свидетельствуют тексты ее писем), хотя возможности для этого в Соликамске того времени были. По свидетельству краеведа Г. А. Бординских, в Соликамске девочки могли получать начальное образование уже с 1801 г., а к началу XX в. в городе для девушек были и училище, и гимназия [Бординских 2013: 148].

Из писем ее брата Ивана нам известно, что в Перми Александра в течение примерно трех лет проживает с ним для помощи по хозяйству. Письма Ивана, а также и самой Александры раскрывают некоторые подробности ее частной жизни, которые вызвали недовольство членов семьи – рождение внебрачного ребенка от Николая Львовича Гадова, сослуживца Ивана. Это обстоятельство (в соответствии с морально-этическими стереотипами провинциальной мещанской среды того времени) побудило ее родственников искать выход из сложившейся ситуации. В частности, предложения брата Ивана в письме родителям сформулированы таким образом: *Саша живетъ въ Разгуляѣ небольшая комната платитъ 2 рубъ въ мѣсяць. Я былъ у нее*

говоришь углана куда нибудь отдать, она говорит некому; тогда я ее отправлю домой, пусть углана отдаст куда-нибудь въ деревню по близости въ Соликамскѣ, а въ Перми жить ей безъ дѣла нѣтъ смысла, а дома она принесетъ больше пользы [Логонова, Мазитова 2015: 15]². Описание истории отношений Александры с отцом ее ребенка и связанных с этим проблем и составляет значительную часть содержания ее писем.

Итак, воссоздание речевого портрета жительницы провинции дореволюционной России предпринимается нами на основе анализа трех писем Александры Мальцевой к родителям, отправленных ею в Соликамск из Перми в 1909–1911 гг. [там же: 11, 22–23]. Все три письма Александры являются ярким примером текстов, отражающих особенности естественной письменной речи с ее спонтанностью и ориентацией на привычные формы устного общения.

Если говорить о реализации в письмах Александры ее элементарных речевых компетенций – орфографических, пунктуационных, грамматических, – то их уровень свидетельствует о невладении многими простейшими нормами письменной речи. Зачастую адресант ориентируется на произносительный вариант слов и словоформ (*вазале, итагже, призыфь, здала, празникь, продасли* (=продаст ли) и под.), что ведет к нарушению орфографических правил. Письма Александры обнаруживают незнание ею следующих орфографических норм:

- слитные, раздельные или дефисные написания: *Унась, гуляюли, нетли, нахлебы, выкупилабы, комне, коечто, какъ небутъ, отъ пускаетъ, двухъ спалную, спосудой, соборкой* (=с оборкой), *незнаю, не кого, невелить, невыдали, неругался* и под.;
- безударные гласные в разных морфемах: *Слышили, валянковъ, дешевинкой, сомоварь, паспарту, вытенеть, честенко, октебря, мезецъ* и под.;
- правописание звонких и глухих согласных: *потписаль, увести* (=увезти), *черескаму* (=через Каму), *зделать, одать, одасть* и под.;
- неупорядоченность в употреблении прописных и строчных букв: *увани, изусоля, маня, у мезенчихи, изъ пожвы, въ перми, покаме; Папа, Мама, Просимъ, Мы, Слышили, Жаловне, Гонѣетовъ, Шуба, Мой, Он;*
- написание мягкого знака (и разделительного, и обозначающего мягкость): *мальенкую, Досвидане, Жаловне, родителское, платя, возмутъ, одяло, колца, свадьба, возму толко, изУсоля, денги, здоровья, беле* (=белье) и под.;
- правила употребления **ѣ**: адресант использует его крайне редко и применяет верно только в словах *ѣхать, присебѣ, Бѣляева;*

- мягкий знак в возвратных формах инфинитива: *венчатся, собратся, пробится, останеся* и под.;
- выбор частиц **не** и **ни** с разными частями речи: *нечего новаго нетъ; не куда не бывала; некуда нехожу нечего незнаю* и под.

Встречаются и иные единичные случаи нарушения других орфографических правил.

На фонетико-грамматическом и лексико-стилистическом уровнях автор проявляет себя как представитель низовой речевой среды провинциального города (просторечия), в которой ощутимо влияние регионального диалекта. В письмах Александры встречаются разнородные диалектно-просторечные элементы:

- фонетические: *гонѣеты; ичо / ѣчо* (=еще); *решоно; узолокъ; сумневется; которы / которо, попутны; можобуть* (=может быть); *продасли* (=продаст ли), *одасть* (=отдаст); *досвидане, одяло;*
- лексико-словообразовательные: *бамазенка* (бумазейка); *жаловне* (=жалование); *камандироватные* (=командировочные); *посиделка* (=сиделка); *опочинить* (=починить); *ростраивать / расстраивать* (=устраивать, приводить в порядок);
- морфологические: *гонѣетовъ, валянковъ; хочемъ; загуляюсь; кланитесь / кланетесь; попутнихъ;*
- собственно лексические, лексико-семантические и фразеологические: *папоужину* (=в послеобеденное время); *прикормить* (=привадить); *венчатся какъ убегомъ; звать нахлеб;*
- синтаксические: семантическое согласование вместо грамматического (*и народъ Пожве все удивятя*); замена предложного управления беспредложным, характерная для русской диалектной речи в коми-пермяцком окружении [Бакланова 2014: 124]: *и народъ Пожве все удивятя; ѣхать колошахъ; сходила началнику; сходить болницу; а остальное можно мешкахъ; боится что Перме загуляюсь; все старался тебя* (=для тебя); *собой возму толко узолокъ.*

На синтаксическом уровне также встречаются не единичные случаи нарушения в реализации различных типов связей между членами предложения: *Желаю всего хорошаго а главнаго здоровья; место нетъ; некуда не бывала* и под.

Очевидно, что у Александры отсутствует навык построения монологической письменной речи – как в определении содержания, так и в речевом оформлении эпистолярного нарратива. Об этом свидетельствуют не только фраза, присутствующая в конце двух писем (*незнаю что*

писать / писать не знаю что), но и наличие во всех трех анализируемых текстах многочисленных структур, свойственных непринужденной обыденной устной речи с ее эллиптичностью, грамматической аморфностью, незавершенностью конструкций, с неразграничением своей и чужой речи: *получили неть посылку маленькую; бумагъ у него неть не пришли; не знаю замерзнуть неть ноги ~~х~~хатъ колошахъ; Н.Ль. не велитъ ничего вести оставить у Вани; онъ писалъ что все перестроили в комнатахъ все старался тебя то совсемъ не сталь бы; спрашивалъ когда я поеду поеду приду проводить; некуда не бывала и театръ и картины смотреть не куда; хотела сделать такъ сложить все мешки изъ большого ящика ли оставить его спосудой; Ваня говритъ что место неть оставить негде да оставь где да половину вынуть хотя хорошаго неть но все таки жалко.*

На низкий уровень владения письменной речью указывают многочисленные факты, свидетельствующие, что адресант не понимает разницы между устным и письменным общением. Не имея представления о том, что при письменной коммуникации отсутствуют многие важные компоненты устного ситуативного общения (единство места и времени коммуникантов, интонационное членение фраз, использование мимики и жестов, наличие обратной связи в процессе коммуникации), Александра не осознает необходимости поиска каких-либо средств их компенсации в письменном речи – в частности, например, более четких синтаксических структур и пунктуационного оформления текста. Что касается последнего, то в письмах Александры практически отсутствуют знаки препинания: отмечается редкое и бессистемное использование запятых и точек.

Все перечисленные характеристики писем Александры Мальцевой позволяют квалифицировать ее речевую продукцию как яркий образец текстов естественной письменной речи носителя низовой (просторечной) речевой культуры, которая, по мнению И. В. Шалиной, «характеризуется признаками культурно-социальной отсталости: это нарушение языковых правильностей, бедность языковых ресурсов, стилистическая монотонность, отсутствие проблемы выбора языковых средств, повышенная экспрессивность и др.» [Шалина 2005: 203]. (Все эти особенности, кроме последней, мы наблюдаем в речевой продукции Александры Мальцевой.) Подобная языковая личность не в состоянии реализовать какие-либо конституирующие признаки эпистолярного стиля, за исключением клишированных этикетных фраз приветствия и прощания (*Здравствуйте дорогіе родитли Папа и Мама Просимъ родительское благословеніе; Кланитесь всемъ знакомымъ Досви-*

дане остаемся Живы и здоровы Ваня Саша; досвидане остаемся живы здоровы чего и вамъ желаемъ). По сути, письма Александры представляют собой привычное для нее устное обиходно-бытовое общение, перенесенное на бумагу.

Последнее обстоятельство сказывается в том числе и на тематике писем. Круг тем, затрагиваемых в письмах Александры, ограничивается делами и проблемами повседневной частной жизни – ее и брата Ивана: *Жаловне не получили; денегъ неть у Вани; Шубу и шаль я выкупилабы давно, Ваня посылалъ изъ Пожвы 6 руб. и велель выкупить; Ваня свою шубу выкупилъ давно и коечто купилъ а камадироватныхъ не выдали и дожидается ихъ и хочеть купить троюку а остальные послать папе; Ваня <...> комне ходитъ честенко то одасть беле стирать то что опочинить; уменя небыло денегъ и пришла к нему Онъ [Ваня] даль и неругался; второй женихъ приходилъ два раза я сказала что дело решено и посланы Метрики; Ваню зовутъ опять туда на хлебы где жилъ и зовутъ ~~ч~~чо Евдоти еЕгоровны сестра, покуда хочеть остатся на ~~т~~той хозяйка не отъ пускаетъ; хотела купить ботинки но денегъ неть одяло какое хочемъ купить ичо нужно.*

Прагматически-бытовым характером отличаются и немногочисленные просьбы в письмах Александры: *Маня купи на юбку бамазенки дешевинкой и шей соборкой и не продасли кто одну подушку нетли у Мезенчихи.*

Процитированные отрывки из писем свидетельствуют о том, насколько жизнь Александры событийно бедна, а интересы ограничены рамками быта. Она ни разу не упоминает ни о достопримечательностях, ни о социально-культурных событиях Перми (кроме единственного посещения новогоднего праздника: *получили неть посылку маленькую 2 января немного посылала Гоняетовъ которы получила на елке*); и образ жизни Александры в губернском городе исчерпывающе характеризует фраза из ее письма: *въ Перми жить хорошо но все дорого некуда не бывала и театръ и картины смотреть не куда.*

В отличие от брата, чьи письма мы тоже анализировали, Александра не проявляет интереса к подробностям жизни ее родных, близких и друзей, ограничиваясь обобщенно-трафаретными вопросами: *напишите какъ провели праздникъ; Кланитесь всемъ знакомым; кланетесь всемъ.* По ее письмам трудно составить представление о стиле ее эмоциональных отношений с членами семьи, поскольку в текстах практически отсутствует эмотивная составляющая: лишь один раз Александра говорит о своих чувствах, но и эта фраза носит характер попутного замечания: *остаемся живы здоровы чего и вамъ желаемъ, толко скучаю.*

Более подробно (но в той же отстраненно-констатирующей манере) в письмах Александры представлены проблемы, связанные с ее интимными отношениями с Н. Л. Гадовым. Этому отведен значительный объем двух ее писем – сначала о подготовке к предполагаемому венчанию (Н. Ль. <...> велель купить две иконы и два колца а денег не послалъ начто я куплю, и посылалъ меня въ Соликамскъ пожить боится что Перме загуляюсь и спрашивает у Вани папоужину гуляюли я ужасно сомневется; ~~В~~хатъ въ церковь венчатся буду одна не кого нетъ своихъ какъ убегомъ белаго платя нетъ хочу втомъ которо умения мамино серое покупать денегъ нетъ у Вани; не знаю когда будетъ свадьба и какъ буду жить, и народъ Пожве все удивятъ что прикормила его), а затем о проблемах, связанных с появлением внебрачного ребенка (незнаю какъ я приеду квамъ сребенкомъ и все узнаютъ и вамъ будетъ не приятно или остатся въ Перми и какъ небутъ пробится сходить болницу непримутъ ли посиделки, а ребенка одать водитса, онъ уже большой пошолъ восмой мессецъ и начинаетъ ходить). Фрагмент, процитированный последним, показывает: Александра осознает, что нарушила запреты традиционной морали и тем самым запятнала репутацию своей семьи. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в письмах не видно никаких проявлений чувств по отношению к ребенку, как нет и упоминаний ни о его внешности, ни о его поведении, что дополняет психологический облик Александры как человека с пониженной эмоциональностью и – трудно установить – то ли не способного на чувства, то ли не умеющего их выразить.

Если характеризовать внешний облик писем Александры Мальцевой, то их первой яркой особенностью является то, что все они написаны карандашом. Это – с учетом всех остальных известных нам фактов, – по-видимому, указывает на отсутствие у нее навыка письма пером и чернилами, что требовало определенной выучки. В целом письма оформлены аккуратно, строчки ровные, поля неодинаковые, но чаще всего узкие. Признаков саморедактирования – исправлений и вставок над строкой и приписок на полях – практически нет. Почерк достаточно разборчив, хотя плохо сформирован: строчные буквы разнотипны по начертанию, неодинаковы по размеру и написаны с непостоянным углом наклона. Разрывы между буквами в словах отсутствуют. Почерк средний по размеру. По характеру начертания букв (угловатые, округлые и т. п.) почерк адресанта оценить невозможно, поскольку отсутствует единый стиль изображения графем. На основе сделанных наблюдений можно заключить: слабая сформированность у Александры

навыков оформления письменного текста затрудняет почерковедческий анализ ее писем [Особенности почерка].

Таким образом, и признаки почерка, и особенности оформления текста писем Александры Мальцевой коррелируют с общим ощущением аморфности данной исторической языковой личности. У нее отсутствуют не только саморефлексия и собственная шкала ценностей (что является показателем сформированности в человеке личностного начала), но и простейшая эмоциональная оценка окружающих людей и событий. Она не способна выразить в письмах ни своих желаний, ни склонностей, ни интересов, и мы не можем с уверенностью определить, что тому причиной – невладение письменной формой общения или неумение «заглянуть в себя» и осознать свое внутреннее содержание – свои чувства, предпочтения, намерения. Она полностью существует в рамках социокультурных стереотипов традиционного патриархального уклада жизни, являясь его продуктом и воплощая собой всю его косность. Оказавшись вырванной из привычной для нее среды и лишившись ее опоры, Александра не сумела сориентироваться в новых жизненных обстоятельствах. Возможно, свою роль сыграло и «снижение уровня социального контроля», что, по мнению О. Н. Яхно, было характерно для новопоселенцев, прибывающих в крупные города из глубинки [Яхно 2008: 23].

Мы отдаем себе отчет, что реконструированный нами портрет данной исторической языковой личности не может расцениваться как типизированный образ носительницы традиционной культуры, живущей в дореволюционной российской провинции. В нем много таких особенностей, которые, вероятно, обусловлены психотипом индивида, врожденным интеллектуальным потенциалом и, возможно, конкретными обстоятельствами семейной жизни. Знакомство с аналогичной речевой продукцией других жительниц Уральского региона позволяет нам утверждать, что с помощью лингвоперсоналогического исследования мы сможем воссоздать их речевые портреты, выявив характерные черты каждой исторической языковой личности, и затем выйти на уровень типизации – создания обобщенного речевого портрета провинциалки дореволюционной России.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Языковая личность в зеркале эпохи (по рукописным и печатным источникам первой половины XX века): материалы и исследования» № 16-14-59002а(р).

² Здесь и далее при цитировании источников сохраняется графика и орфография оригинала.

Список литературы

Алеврас Н. Н. Специфика провинциального социума дореволюционного Урала в ракурсе социокультурных процессов XVIII – начала XX века // Вестник Челябинского университета. 2009. № 16(154). История. Вып. 32. С. 26–37.

Бакланова И. И. Устойчивые коми-пермяцкие языковые особенности в русской речи Пермского края // Социо- и психолингвистические исследования. 2014. № 2. С. 121–126. URL: <http://splr.psu.ru/wp-content/uploads/2014/11/Бакланова2014.pdf> (дата обращения: 08.12.2016).

Бординских Г. А. Соликамская энциклопедия / ред. Р. Я. Бординских. Пермь: Агентство «Стиль-МГ», 2013. 266 с.

Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.

Иванцова Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 4(12). Филология. С. 24–32.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

Лебедева Н. Б. Естественная письменная речь: основные понятия и аспекты изучения // Письменная культура народов России: материалы Всерос. науч. конф., 19–21 нояб. 2008 г. / под ред. Б. И. Осипова. Омск: Омск. гос. ун-т, 2008. С. 12–18.

Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. О понятии «естественная письменная речь» и перспективах ее изучения // Материалы Междунар. науч. конф. «Проблемы динамической лингвистики», посвящ. 80-летию проф. Л. Н. Мурзина, 12–14 мая 2010 г.; ПГУ, Пермь, 2010. С. 395–401.

Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. Портрет исторической личности на основе рукописных источников XIX века // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы II Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., Пермь, 15 апр. 2014 г. / отв. ред. Н. В. Соловьева, И. И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2014а. С. 249–255.

Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. Реконструкция исторической языковой личности (по данным эпистолярных текстов XIX века) // Лингвокультурные феномены в коммуникативном пространстве полиэтничного региона: материалы I Междунар. науч. конф. (Ростов н/Д, 5–7 нояб. 2014 г.) / под общ. ред. Е. А. Жуковой, И. В. Ковтуненко, Е. В. Маслаковой, О. М. Холомеенко. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2014 б. С. 309–314.

Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. Портрет исторической языковой личности купца И. С. Щего-

лихина (на материале эпистолярных текстов начала XX века) // Слово и текст в свете современных исследований филологических наук: сб. науч. тр. по материалам I Междунар. науч.-практ. конф., 30 апр. 2016 г. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. С. 94–102.

Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. Речевая культура жителей Северного Прикамья в начале XX века: материалы и исследования. Соликамск: РТО СГПИ, филиал ПГНИУ, 2015. 377 с.

Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 1996. С. 112–116.

Особенности почерка // Почерковедение.ru URL: <http://pocherkovedenie.ru/osobennosti/> (дата обращения: 24.04.2015).

Плесовских Т. С. Лингвоперсонология в контексте антропологического подхода // Science Time. 2014. Вып. № 4(4). С. 173–179.

Система образования на Урале и уровень образованности населения региона до 1917 года / Н. В. Логунова, Л. Л. Мазитова, Е. В. Протасова; науч. ред. Е. В. Протасова. Соликамск: СГПИ, 2013. 223 с.

Шалина И. В. Просторечная речевая культура: стереотипы и ценности // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 35. С. 203–216.

Яхно О. Н. Провинциальный город на рубеже XIX–XX вв.: противоречивая повседневность // Уральский исторический вестник. 2008. № 1(18). С. 19–25.

References

Alevras N. N. Spetsifika provintsial'nogo sotsi-uma dorevolutsionnogo Urala v rakurse sotsio-kul'turnykh protsessov XVIII – nachala XX veka [The specific character of the provincial society in pre-revolutionary Urals in the frame of social and cultural processes in XVIII – the beginning of XX centuries]. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta*. Istoriya [Bulletin of Chelyabinsk State University. History], 2009, issue 16(154), pp. 26–37.

Baklanova I. I. Ustoychivye komi-permyatskie yazykovye osobennosti v russkoy rechi Permskogo kraja [Stable Komi-Permyak linguistic peculiarities in Perm Krai Russian speech]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya* [Socio- and psycholinguistic studies], 2014, issue 2, pp. 121–126. Available at: <http://splr.psu.ru/wp-content/uploads/2014/11/Бакланова2014.pdf> (accessed 08.12.2016).

Bordinskikh G. A. *Solikamskaya entsiklopediya* [Solikamsk Encyclopedia]. Ed. by R. Ja. Bordinskikh. Perm, Agentstvo “Stil'-MG” Publ., 2013. 266 p.

Ivantsova E. V. *Fenomen dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The phenomenon of the dialect language

personality]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2002. 312 p.

Ivantsova E. V. O termine “yazykovaya lichnost’”: istoki, problemy, perspektivy ispol’zovaniya [On the term of “language personality”: origin, problems, outlooks]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2010, issue 4(12), pp. 24–32.

Karaulov Ju. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost’* [The Russian language and linguistic personality]. Moscow, LKI Publ., 2010. 264 p.

Lebedeva N. B. Estestvennaya pis’mennaya rech’: osnovnye ponyatiya i aspekty izucheniya [Natural written speech: basic concepts and aspects of the study]. *Pis’mennaya kul’tura narodov Rossii: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii 19–21 noyabrya 2008 g.* [Written culture of the peoples of Russia: Proceedings of the all-Russian scientific conference, November 19–21, 2008]. Ed. by B. I. Osipov. Omsk State University Publ., 2008, pp. 12–18.

Logunova N. V., Mazitova L. L. O ponyatii “estestvennaya pis’mennaya rech’” i perspektivakh ee izucheniya [On the concept of “natural written speech” and prospects of its studying]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “Problemy dinamicheskoy lingvistiki”, posvyashhennoy 80-letiyu professora L. N. Murzina, 12–14 maya 2010 g.* [Proceedings of the International scientific conference “Issues of dynamic linguistics”, dedicated to the 80th anniversary of Professor L. N. Murzin, May 12–14, 2010]. Perm, Perm University Press, pp. 395–401.

Logunova N. V., Mazitova L. L. Portret istoricheskoy lichnosti na osnove rukopisnykh istochnikov XIX veka [A portrait of historical personality based on handwritten sources of the 19th century]. *Filologiya v XXI veke: metody, problemy, idei: Materialy II Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf., 15 aprelja 2014 g.* [Philology in the 21st century: methods, problems and ideas: Proceedings of the 2nd all-Russian (with the International participation) science conference, April 15, 2014]. Ed. by N. V. Solov’eva, I. I. Rusinova. Perm, Perm University Press, 2014, pp. 249–255.

Logunova N. V., Mazitova L. L. Rekonstruktsiya istoricheskoy yazykovoy lichnosti (po dannym epistoljarnykh tekstov XIX veka) [The reconstruction of historical linguistic personality (based on epistolary texts of the 19th century)]. *Lingvokul’turnye fenomeny v kommunikativnom prostranstve polietnicheskogo regiona: Materialy I Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Rostov-na-Donu, 5–7 noyabrja 2014 g.)* [Linguocultural phenomena in the communicative space of a polyethnic region: Proceedings of the 1st International scientific conference (Rostov-on-Don, November 5–7, 2014)]. Ed. by E. A. Zhukova, I. V. Kovtunenکو, E. V. Maslakova,

O. M. Kholomeenko. Rostov-on-Don, Southern Federal University Publ., 2014, pp. 309–314.

Logunova N. V., Mazitova L. L. Portret istoricheskoy yazykovoy lichnosti kuptsa I. S. Shchegolikhina (na materiale epistoljarnykh tekstov nachala XX veka) [A portrait of the historical language person of the merchant I. S. Shchegolikhin (based on epistolary texts of the early 19th century)]. *Slovo i tekst v svete sovremennykh issledovaniy filologicheskikh nauk: Sbornik nauchnykh trudov po materialam I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 30 aprelya 2016 g.* [The word and text in the context of modern research in philology: Proceedings of the 1st International scientific-practical conference, April 30, 2016]. Nizhny Novgorod, NOO “Professional’naya nauka” Publ., 2016, pp. 94–102.

Logunova N. V., Mazitova L. L. *Rechevaya kul’tura zhiteley Severnogo Prikam’ya v nachale XX veka: Materialy i issledovaniya: monografiya* [The speech habits of the North Prikamye residents in the early 20th century: Materials and Research: a monograph]. Solikamsk, Solikamsk State Pedagogical Institute (the branch of Perm State University) Publ., 2015. 377 p.

Neroznak V. P. Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa distsipliny [Linguistic personology: to the determination of the status of the discipline]. *Jazyk. Poetika. Perevod. Sbornik nauchnykh trudov* [Language. Poetics. Translation. Collection of scientific papers]. Moscow, Moscow State Linguistic University Publ., 1996, pp. 112–116.

Osobennosti pocherka [The features of handwriting]. Available at: <http://reset.ivanovo.ac.ru/courses/6-lectures/34-samoident> (accessed 24.04.2015).

Plesovskikh T. S. Lingvopersonologiya v kontekste antropologicheskogo podkhoda [Linguistic personology in the context of anthropological approach]. *Science Time*, 2014, issue 4(4), pp. 173–179.

Logunova N. V., Mazitova L. L., Protasova E. V. *Sistema obrazovaniya na Urale i uroven’ obrazovannosti naseleniya regiona do 1917 goda: monografiya* [The educational system in the Urals and the level of education of the region’s population before 1917: a monograph]. Ed. by E. V. Protasova. Solikamsk, Solikamsk State Pedagogical Institute Publ., 2013. 223 p.

Shalina I. V. Prostorechnaya rechevaya kul’tura: stereotipy i tsennosti [Vernacular language culture: stereotypes and values]. *Izvestiya Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestia of Ural Federal University]. Ekaterinburg, 2005, issue 35, pp. 203–216.

Jakhno O. N. Provintsial’nyy gorod na rubezhe XIX–XX vv.: protivorechivaya povsednevnost’ [Provincial city at the turn of the 20th century: contradictions of everyday life]. *Ural’skiy istoricheskij vestnik* [Ural Historical Journal], issue 1(18), 2008, pp. 19–25.

A PROVINCIAL WOMAN IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA: SPEECH PORTRAIT

Natalia V. Logunova

**Associate Professor in the Department of Social Disciplines and Humanities
Solikamsk State Pedagogical Institute (the branch of Perm State University)**

Larisa L. Mazitova

**Associate Professor in the Department of Social Disciplines and Humanities
Solikamsk State Pedagogical Institute (the branch of Perm State University)**

This article represents an attempt to reconstruct a historical linguistic persona of the resident of the Solikamsk town Alexandra Vasilievna Mal'tseva on the basis of three of her letters to her parents written in 1909–1911. The purpose and objectives of the description are determined by the linguistic personology approach to the research object, being a representative of a lower type of speech culture than the elite one. The gender component of the research, which is a reconstruction of the image of a woman's linguistic persona, is actualized by the fact that in regional manuscript archives of the 19th – early 20th centuries the total amount of female speech products is much less compared with male ones.

The subject of the analysis embraces thematic preferences, peculiarities of the style and manner of narration, speech competence of the addresser reflected in text, as well as external characteristics of the letters. It allows for revealing the constitutive features of the given historical linguistic persona – a representative of provincial petty bourgeoisie, ordinary language consciousness and the type of traditional culture which largely determined the social face of the Ural region. The results obtained fill the gap in linguistic studies concerning reconstruction of a speech portrait of a woman from pre-revolutionary Russia.

Key words: linguistic personology; historical linguistic persona; epistolary text; speech competences; speech culture.